

In the artistic works the proper names perform, foremost, the characterizing function, that consists of the presentation of complex information, defining spatio-temporal coordinates, national and social features, different ideological descriptions of objects of nomination. If a poetonym genetically belongs to the language system, it brings into the literary text all spectrum of the seme, fixed by a native speaker. Therefore poetonym Finnegan for an Irishman was really informing, "talking". It brought to mind not only certain mythological reminiscences, but also created a new figurative structure. Archaic mythological thinking "worked" in a new vivid system.

Joyce's poetonym "Finnegan" became the original metaphor of the recurrence, related to mythological conception of the history development and "takes part" in fixing of spatial borders, "the beginning" and "the end", that coincides with the archaic consciousness reflected in mythopoetic texts. Universality, repetition of certain roles and situations in the world, according to Joyce (as in the mythological thinking), is the return of the same eternal cyclic law: dying/resurrection (eternity). This mythologem becomes the basic metaphor of a cyclic conception both of a man and history in the work of James Joyce.

Key words: text, anroponym, myth, system of nomination, poetonym, semantics.

Отримано: 4.08.2014 р.

УДК 821.161.1.09

Шульк П.Л.

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРОТИВ ЖЕНСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ЖЕНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ БЕЗ ПРАВА НА ЖЕНСТВЕННОСТЬ (ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О КИББУЦНОЙ МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО РАВНОПРАВИЯ)

Представлене дослідження відкриває цикл статей, в яких аналізуються твори ізраїльських письменників (переважно жінок), де піднімається питання збереження чи втрати жіночої первозданності в умовах певного колективу. Об'єктом дослідження стають, твори де розглядається положення жінки в умовах специфічного для Ізраїлю колективу – кібуца, у якому рівність з чоловіками відбирає в жінки право на жіночість.

Ключові слова: жіноча література, ізраїльська література, кібуц, жіноча первозданність, біблійна традиція.

Если творчество отдельных израильских писательниц периодически оказывается в центре внимания как зарубежных, так и собственно израильских литературоведов, то женская израильская литература как явление еще не стала предметом серьезного исследования, хотя авторы литературно-критических обзоров отводят ей почетное место в современном литературном процессе [6, 23].

Благодаря западной ориентации, творческие поиски израильских писательниц органично воспринимаются в русле основных тенденций развития современной женской литературы, в центре которой еще со времен Симоны Бовуар остается «личный выбор современной женщиной ее жизненного поведения» [5, 80]. Но сквозь феминистский налет западной традиции в этих поисках ясно проступает тоска по женской первозданности, всеобъемлющий даже тотальный характер которой в израильской литературе обусловлен национально-исторической спецификой.

В произведениях израильских писательниц причины утраты первозданности напрямую связываются с традицией и специфическими условностями определенного коллектива.

Многовековая традиция еврейского народа, закрепленная в библейских¹ и талмудических текстах утверждает патриархальные стереотипы, оправдывающие высокий социальный статус мужчин и низкий – женщин В библейской литературе женщины оказались, по высказыванию современных феминисток, «отсутствующими в своем присутствии». Культурно-идеологические установления были закреплены и в постбиблейской литературе².

Согласно традиционному еврейскому мировоззрению, место женщины в пределах дома, в любви, продолжении рода, а не вовне и тем более на общественном поприще. Раскол традиционного мировоззрения в эпоху Гаскалы (Хаскалы)³ с ее идеями равенства не коснулся судьбы женщины. И только идеи социализма смогли создать иллюзию равенства всех народов, национальностей и полов⁴.

В еврейской истории ярким и крайним воплощением этих идей становится специфический коллектив – киббуц, где все наравне – мужчины и женщины – одержимы социалистическим идеалом и единой целью: трудиться на святой земле и жить сообща. Именно об этом киббуцианская литература *поколения Пальмаха*⁵, пронизанная пропагандистским пафосом эпохи социалистического реализма, идеологией общей жизни, общего труда, общего долга. В поздних произведениях представителей этого поколения (в основном, мужчин) уже просматривается конфликт между провозглашенным демократизмом и диктатом коллектива, доходящим до подавления личности, и намечается тенденция переосмыслить идеологические установки, пересмотреть свое отношение к реальной действительности в Государстве Израиль и к формирующемуся в нем новому еврейскому обществу. Показателен в этом отношении сборник рассказов “Маковый холм” [3]. Героиня одного из рассказов Эдна (рассказ Моше Шамира «Пока не забрезжит рассвет») уходит из киббуца, бросая мужа, ответственного работника, и сына, не соглашаясь с коллективным решением ликвидировать уроки музыки для школьников: «Немножко музыки, немножко утонченности среди хамсинов для наших маленьких босоногих сабрят – это роскошь? Ты видел когда-нибудь, как девочки становятся совсем другими, когда они садятся, и начинает звучать инструмент? Видел, как успокаиваются нервы, как исчезают страхи, отступает вражда? Я не верю, что этот единственный день в неделю мешает вам правильно вести хозяйство киббуца...» [10]. Уже в «мужском» рассказе подчеркивается непохожесть женского восприятия киббуцной модели жизни и слабо (сквозь неискоренимый мужской шовинизм) прорывается то, что заложено в женщине изначально – «глубокая интуиция, тщательная забота о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом» [12], что составляет ее первозданность. Ее-то и пытается уничтожить жизнь в коллективе, где нет места личному, а всем правит киббуцный устав, требующий фанатичного его соблюдения, лишаящий человека права выбора

В творчестве писателей *поколения Государства*⁶ (тоже, в основном, мужчин) ведущим становится конфликт индивидуального начала с коллективистским.

Следствием диктата коллектива стает неприкаянное одиночество, которое спасает от разрушения одних и уничтожает других. Об этом сборник рассказов Амоса Оза «Среди товарищей» [13]. Герои Амоса Оза, трогательные в своей любви к земле, в верности истории и чаяниям еврейского народа, предстают в сборнике либо одинокими борцами, либо болезненно неуверенными и пассивными. Для писателя, как и для других представителей этого поколения, характерна удивительная тенденция изображать мужчин бессловесными, робкими и ранимыми. Критика киббуцных порядков вкладывается в уста слабого пола – женщин⁷.

Слабые женщины в произведениях *писателей Государства* сильны и непоколебимы в своем бунте против киббуцных порядков. Женщины протестуют против дарованного им киббуцем долгожданного равноправия, призванного в реальности нивелировать не только человека как личность, но и женщину как женщину. Амос Оз пишет:

«Киббуц с самого начала повел себя преступно по отношению к женщинам и, почти не зная исключений, вытесняет их в сферу обслуживания: им оставляют готовку, уборку, работу с детьми, стирку, глажку и шитье. Женщины у нас обрели полное равенство с мужчинами, но это равенство им дается при условии, что все их поведение и внешний вид уподобятся мужчинам: им запрещено делать макияж и красить губы и положено искоренять в себе все женские повадки» [Цит. по 2].

С женщинами в киббуцах происходит самое страшное, что может произойти с женщиной, – киббуц убивает инстинкт материнства. Об этом рассказ Амоса Оза «Маленький сын». Перед нами – дети, лишённые родителей и выращиваемые в «инкубаторе» (интернате), подобно курам в птичнике.

Если для героев предшествующих эпох жизнь в киббуце была воплощением идеи «возрождения еврейского народа на его земле и его освобождения от нравственных болезней изгнанничества» [1, 29], то для героини Амоса Оза из рассказа «Кочевники и змей» [4] Геулы, имя которой означает избавление (а в интерпретации религиозного сионизма – процесс возрождения народа Израиля и Страны Израиля), эта жизнь полна абсурда. Она пытается найти своеобразный выход из абсурдности существования в мечте о похожем на насилие сексе с кочевником-бедуином⁸. Как отмечает Е. Римон: «Араб-бедуин в этой новелле воплощает в себе запретную сексуальность и угрозу смерти, он несет соблазн разрушения и нечто древнее, первобытное, природное, вызывающее одновременно желание и отвращение. Именно за счет бедуина одинокая киббуцианка Геула пытается решить свои проблемы, сбежать от неудовлетворенности, ненужности, отчужденности – и погибает, запутавшись в собственных противоречивых желаниях» [6, 15] Но покой приходит не оттуда, откуда она ожидает. Девушка умирает от укуса змеи. Смерть приходит как избавление и становится понятным имя героини, в последнюю минуту ощутившей спасительную силу примирения и прощения, нашедшей успокоение, только уйдя из абсурдного мира. Библиейские реминисценции: райский сад, Змей, женщина, искушение, грех, изгнание – призваны пробудить

и усилить чувство вины в этом мире, воплотившемся в образе парней, идущих наводит порядок в стане кочевников с «короткими увесистыми дубинками» в руках, с «выпученными от возбуждения» глазами», с «бурлящей кровью» и не ведающих, что такое прощение и вина. Не ведает и киббуц о своей вине перед Геолой, лишенной права быть женщиной, превращенной благодаря всеобъемлющему равенству в просто члена киббуца и вынужденной спастись от одиночества и тоски по женскому.

В киббуцианской женской литературе периода *писателей Государства* эта тоска, усиленная собственным опытом писательниц, становится тотальной. В дилогии Наоми Френкель (романы «Ваш дядя и друг Соломон...» [8], «Дикий цветок» [9]), прожившей в киббуце немалую часть своей жизни, движущие силы этой тоски – законы коллектива, любовь и война (*Шестидневная война*⁹ и последовавшая за ней *Война на истощение*¹⁰). Герои пытаются вырваться из условностей, навязанных киббуцной моделью общежития, но попадают в рамки любовных треугольников, разрушить которые им, кажется, не под силу, как невозможно освободиться от бессмертной чувственности стиха, давшего название первой книги дилогии. В оригинале оно звучит – «Доди вэ реи». Это парафраз фрагмента шестнадцатого стиха пятой главы библейской книги «Песнь Песней»: «...зэ доди вэ зэ реи, бнот ирушалаим», «...вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалима». Переводчик сглаживает чувственность названия – «Ваш дядя и друг Соломон...», но указка на эпистолярность жанра подчеркивает, что в центре романа остаются чувства и внутренний мир героев. Каждое письмо – отдельный рассказ, разомкнутый в бесконечность событий, чувств, переживаний, о которых речь пойдет в последующих письмах.

Связующим ядром романа стает исповедь старожилки киббуца Соломона (аллюзия на библейский образ очевидна), пытающего с помощью писем распутать сложные отношения близких ему людей, уже сложившиеся в очевидный всем любовный треугольник: *Адас, его племянница и приемная дочь – Мойшеле, муж Адас, сын его друга и его приемный сын – Рами, любовник Адас и друг Мойшеле*. Но он сам, бывший ответственный работник, один из руководителей киббуца, мудрый Соломон, вынужден в своей исповеди признать беспомощность перед собственными чувствами, с которыми прожил всю жизнь, но в которых не смел признаться в специфической среде киббуца с его понятиями о коллективной жизни, бесцеремонно вторгающейся в личную жизнь индивида. Две женщины в его любовном треугольнике – жертвы этих понятий. Жена Амалия – друг (показательно, что хавер киббуц (член киббуца) дословно переводится как друг киббуца), помощник, но не любимая. Их женитьба – результат ее преследований, а не любовного томления: «Она и так уже много времени крутилась вокруг меня, пытаюсь выбраться из мрачного прозябания своей жизни» [8, 57]. Их семья, живущая благодаря стараниям Амалии, по законам киббуца, по распорядку, введенному Амалией, по будильнику, драгоценному для Амалии и такому ненавистному Соломону, была образцом для окружающих. Киббуц вытравил из Амалии женскую первозданность, превратил в выносливого, преданного, готового к самопожертвованию *хавер киббуца*. У нее было все: муж, работа, семья, приемные дети (сама Амалия не могла родить), но не было той любви и страсти, для которой не имеют значение закрыты ли во время близости с мужчиной окна, задернуты ли занавески. Муж мог созерцать ее «раскрытую до предела» только во время гимнастики, которой она занималась регулярно («один из ее принципов сохранения здоровья» [8, 22]), но прыгающие в это время «в такт скачкам твердые и красивые груди» [8, 23] не вызвали у него желания. К счастью, она так и не узнала, что в этот момент ее муж мечтал о незнакомке, написавшей ему полное страсти и любви письмо: «Соломон, любимый мой...» [8, 15]. Условности коллектива не позволили женщине открыть свое имя, а Соломону попытаться отыскать ее. Так и жил он: наяву – с одной, которую называл «доброй женой»; в мечтах – с другой, «полевой птичкой», «заключенной лишь в клетку... души» [8, 23]. Но если любовный треугольник Соломона скорее виртуальный, судьбы его родного брата и близкого друга в реальный треугольник – *Эвимелех – Мария – Йосеф* – соединяет любовь к одной женщине. Два треугольника – *Мойшеле – Адас – Рами / Эвимелех – Мария – Йосеф* – в романе «Ваш дядя и друг Соломон...» напоминают одну из табличек из теста «пятна Роршаха». Симметрия в этой табличке обеспечена:

- родственными отношениями: Мойшеле – сын Эвимелеха, Адас – дочь Марии и Йосефа (снова библейский след);
- поведением мужчин, предоставившим право выбора женщине;
- дружбой между мужчинами, будущими соперниками;
- чувствами женщин, разрывающимися между двумя мужчинами: Мария выходит замуж за Йосефа, но всю жизнь с тоской, нежностью и болью вспоминает Эвимелеха; Адас выходит замуж за Мойшеле, но сходит с ума от любви к Рами.

Чувства героев, как и их поступки, настолько неоднозначны, что кажется писательница тестирует читателя на знание женской психологии, не заботясь о сущности тех ассоциаций, которые у него могут возникнуть. Возможно, потому, что эти ассоциации уже запрограммированы

киббуцними порядками? А может потому, что уже в самом начале, в письме Соломона, дает читателю подсказку, сравнивая женщину с птицей. Соломон, рассказывая о своей неизвестной возлюбленной, ассоциативно вспоминает эпизод из своего детства:

«Однажды воробей влетел в наш дом. Мама помогла мне его поймать. И я гладил и целовал этого серого воробышка, а он судорожно трепетал в моей руке. Мама посоветовала мне отпустить его, потому что «птица любит волю». «Но я люблю воробья» – ответил я маме. «Если ты его и вправду любишь, отпусти на волю».

Отпустил я его и после много дней думал о нем. Почему он трепетал в моих ладонях, ведь я же его так любил. И тогда пришла мне впервые мысль, что не всякая любовь обоюдна. И не любовью, которого ты любишь, любит и тебя. Вот если любовь твоя истинная, дай свободу любимому тобой существу...

Где-то ты живешь, полевая моя птичка... живешь на воле, заключенная лишь в клетку моей души» [8, 23].

Не вписывающаяся в нивелирующую жизнь киббуца яркая красавица Мария оказалась в тройной клетке (киббуц, любовный треугольник, семья), каждая из которых последовательно отбирала у нее право на свободу чувств. Любовный треугольник запутал ее в чувствах мужчин, не заботящихся о ее собственных чувствах. Киббуц наградила и опутал комплексами коллектива, где одна из сторон равноправия оказывается правом сплетников делать всеобщим достоянием чувства других. Под их воздействием девушка, не поняв искреннего порыва Эвимелеха и своих собственных чувств, бросается в объятия Йосефа – и оказывается в новой клетке. Семья лишила ее умения радоваться и наслаждаться жизнью: «Стала хмурой, перестала резво и легко скакать по дорожкам с того момента, как поселилась... в семейной палатке» [8, 224]. И даже покинув киббуц и став матерью, Мария, по-прежнему красивая и желанная для многих, так и не вернет себе этого прежнего умения. Птичка оказалась в клетке не своей любви. Возле нее не оказалось того любящего, кто мог бы дать ей свободу и возможность выбора¹¹. А сама она оказалась слишком слабой для самостоятельных решений.

Ее дочь Адас бежит из семейной клетки своих родителей в киббуц, который кажется ей олицетворением свободы и искренности. Ее сознание будоражат таинственный образ Эвимелеха, намеки на его отношения с ее родителями, поэтические рассказы дяди Соломона о дум-пальмах. Избежавшая воспитания в киббуцном интернате, не испорченная жизнью среди женщин, получивших в обмен на женское счастье право принимать участие в общественной жизни, работать наравне с мужчинами, она надеется найти здесь не только счастье, потерянное ее родителями. Она готова к новому образу бытия и знания, которому мешает чрезмерная опека родителей. Но киббуц может предложить лишь два варианта женской судьбы – Амалии и неизвестной возлюбленной дяди Соломона, которые автор представляет в самом начале. Появившаяся позже исповедь-письмо Адас убеждает: девушка попадает в киббуц не для того, чтобы оказаться в тисках киббуцных порядков, хотя и рискует оказаться жертвой диктата коллектива, выйдя замуж за Мойшеле, покоровшись желанию окружающих (или влиянию романтической истории отношений ее родителей и Эвимелеха?). В свое время это уже произошло с ее матерью. Но рядом с Адас оказались мужчины, которые заключив ее лишь в «клетку души», предоставили женщине право выбора. Испытания, выпавшие на ее долю, помогли ей выстоять и ощутить свою истинную природу – природу дикого и свободного существа, но не обрести власть над собственной жизнью. Об этом вторая книга дилогии – роман «Дикий цветок».

Свободная Адас потерялась в своем одиночестве, так и не поняв, что женская природа и психологически, и физиологически – в способности давать жизнь и в способности любить и получать «питающую» любовь. Киббуц и опыт матери убивает в ней инстинкт материнства, но не стремление любить. Она по-прежнему желанна и любима, она по-прежнему любит Рами и Мойшеле. Но в ней живет два существа. Одна Адас с тоской вдыхает запах Мойшеле, исходящий из его оставленной рубашки, и ждет встречи с Рами, так и не выбрав между ними и почти потеряв их, другая – заключает в свои объятия других мужчин, пока не становится жертвой насилия. Мир изменился, изменились молодые герои. Война перечеркивает не только их прежние представления, но и восприятие окружающей действительности, обостряет чувства и делает мудрей. Только киббуц продолжает жить по уставу. Его члены теряют прежний ореол и вызывают или раздражение (сплетни, злословие) или снисходительную улыбку. И не меняется «дядя и друг» Соломон, «мудрость» которого определяют прежние стереотипы: «Все они Адас, Мойшеле, Рами, Рахамим, Юваль, все ее любовники – одного сорта: нет у них ни верности, ни измены. Меняют мужчин и меняют женщин, как нечто собой разумеющееся. Не знают они ни трагедий, ни обманов, ни мучительных сердечных тайн, ни глубоких переживаний, ни боли измен. Все просто и открыто, все обычно, как делают все» [9, 129]. Он перестает быть связующим центром. Текст превращается в исповедь автора, сотканную из казалось бы беспорядочного

многоголосия героев, в котором писательница сквозь аккорды растерянности, тоски, разочарования смогла уловить слабые нотки надежды, возникающие из понимания общности народа, общности человеческой судьбы. На личностном уровне приходит это и к Адаш. Она остается в доме ждать своего мужа, поняв простую истину – женщина станет принадлежать себе только в соответствующем окружении, в доме, который принадлежит ей по праву. Но это окружение не коллектив, регламентирующий права и свободы уставом, нивелирующим личность, а люди, среди которых женщина имеет право свободно и самостоятельно жить, выполняя свое истинное предназначение.

В современной киббуцианской литературе привычный для произведений *писателей Государства* конфликт между личностью и коллективом сглажен. Главное в этой литературе – поиски гармонии, острое ощущение корней, почвы и рода, присущее вечным странникам, о чем писал в своем письме прошедший две войны герой дилогии Наоми Френкель Мойшеле.

Любой коллектив создан для разрушения первозданности женщины, даже тот, где казалось бы есть все условия для того, чтобы женщина оставалась женщиной и выполняла свое предназначение. В израильском обществе такой специфический коллектив – религиозная община. Непростой женской судьбе в мире ультраортодоксов посвящено небольшое количество художественных произведений, авторы которых в основном женщины, знающие эту жизнь изнутри. В большинстве случаев их книги производят взрывной эффект в обществе, где на изображение жизни и проблем ультраортодоксальной общины наложено негласное табу. Об этих произведениях речь пойдет в следующей статье.

Примечания

- ¹ Именно в ТаНаХе был заложен низкий статус женщины, ведь она была сотворена из ребра Адама только потому, что бог не нашел ему «помощника, соответственного ему», среди животных.
- ² Частично этот вопрос освещен в статье «Андрогинные образы в израильской женской литературе. Статья вторая. Андрогин по собственному желанию» [11]
- ³ Хаскала (הללשה— просвещение) – еврейское идейное, просветительское, культурное, литературное и общественное течение, возникшее во второй половине 18 в.
- ⁴ Предпосылки для этого были заложены в первой главе первой книги ТаНаХа, где сотворение мужчины и женщины произведено на началах равенства: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил Он их» (Берешит (Бытие) 1:27).
- ⁵ В израильском литературоведении литературный процесс принято рассматривать как смену писательских поколений [7, 8]. Литература *поколения Пальмаха* – творчество писателей и поэтов, которые в большинстве своем были участниками битв за право Израиля на существование: Войны за независимость и предшествовавшей ей борьбы ишува с мандатными властями. Им присуща упоенность великим свершением еврейской истории – восстановлением государственного бытия своего народа
- ⁶ *Поколение Государства* – поколение писателей, для которых идея «национального возрождения», сионистская романтика, характерные для литературы вплоть до начала 50-х годов, становятся малопривлекательными и тускнеют перед последствиями Катастрофы, Войны за независимость, потрясениями, вызванными иммиграцией.
- ⁷ Вот размышление Гени Калиш, вдовы, сына которой не хотят отпустить на учебу в Италию, несмотря на то что все расходы берет на себя ее брат, тамошний бизнесмен: «Никто больше не любит ближнего. Вначале, когда создавался киббуц, все мы были одной семьей. Верно, что и тогда в этой семье случались разрывы, но все мы оставались близкими... Ночью мы шли спать в одинаковые палатки, и если кто-нибудь разговаривал во сне, все слышали его слова. Сегодня все живут в отдельных квартирах, и каждый готов вонзить в соседа хищные когти. В сегодняшнем киббуце пока ты стоишь на ногах, все так и ждут, чтобы ты упал, а упадешь – бросятся поднимать» [Цит. по 2].
- ⁸ О физическом влечении еврейской женщины к арабу-мужчине пишут и Амос Оз («Мой Михаэль», «Кочевники и змей»), и А.Б.Иегошуа («Любовник»). Среди израильтян, читающих и пишущих о литературе, бытует мнение, что в этих произведениях эротическое влечение еврейской женщины к арабу символизирует извечную тягу еврея, долгое время жившего в галуте (в изгнании), к земле Израиля. В то же время в киббуцианской мужской литературе это сексуальное влечение и есть женская тоска по первозданности в коллективе, где к сексу относились как в советском обществе,
- ⁹ *Шестидневная война* – третья война между Государством Израиль и арабскими странами (Египет, Сирия, Иордания, Ирак), продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 г.

- ¹⁰ *Война на истощение* – война малой интенсивности между Египтом и Израилем в 1967—1970 годах.
- ¹¹ Выбор в пользу Эвимелеха не изменил бы судьбу Марии. В своем письме Мойшеэле так пишет об отношениях своего отца (Эвимелеха) и матери: «Мама была свободной птицей, и дышать могла только на воле. Отец же наложил на нее оковы своей жизни, тяжкие и хмурые. И она спасала свою душу... Так и сбежала в страну вечности» [8, 285].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бар-Йосеф. Хамуталь. Введение / Хамуталь Бар-Йосеф // Антология ивритской литературы. Еврейская литература XIX – XX веков в русских переводах / Составители: Хамуталь Бар-Йосеф, Зоя Копельман. – М. : Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2000. – С. 5 – 34.
2. Копельман Зоя. Почему щемит сердце? [Электронный ресурс] / Зоя Копельман // Лехаим. – Март 2013 Адар 5773. – № 3 (251). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARCHIV/251/kopelman.htm>
3. Маковый холм: Рассказы о жизни в киббуцах / Сост. сборника Н. Шахам. – Иерусалим : Б-ка-Алия (54), 1978. – 303 с.
4. Оз Амос. Кочевники и змей / Амос Оз // Плоды смоковницы: Современный израильский рассказ. Пер. с иврита. – Иерусалим : Библиотека-Алия, 2002. – С. 189-204.
5. Пасхарьян Н.Т. «Второй Пол» Симоны де Бовуар и судьбы феминизма в современной французской литературе / Н.Т. Пасхарьян // Гендерная проблематика в современной литературе: Сб. науч. тр. / Редкол.: Пасхарьян Н.Т. (отв. ред. и сост.), Соколова Е.В. (сост.) и др. – М. : Изд-во ИНИОН РАН (Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения), 2010. – (Сер. Теория и история литературоведения) – С. 75 – 95.
6. Римон Елена. Израильский рассказ – здесь и сейчас / Елена Римон // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ: Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. – Иерусалим : Библиотека – Алия, 2002. – С. 13–24.
7. Файнберг Анат. От литературы национальной к литературе универсальной: очерк развития современной израильской литературы / Анат Файнберг // Плоды смоковницы: Современный израильский рассказ. Пер. с иврита. – Иерусалим : Библиотека – Алия, 2002. – С. 5-12.
8. Френкель Наоми. «Ваш дядя и друг Соломон...»: Роман / Н. Френкель; Пер. с иврита Э. Баух. – Тель-Авив; Москва : Олимп, Сиван, Книга-Сэфер, 2006. – 300 с.
9. Френкель Наоми. Дикий цветок: Роман / Н. Френкель; Пер. с иврита Э. Баух. – М.; Тель-Авив : Сиван, Книга-Сэфер, 2007. – 380 с.
10. Шамир Моше «Пока не забрезжит рассвет» [Электронный ресурс] / Моше Шамир // Маковый холм: Рассказы о жизни в киббуцах / Сост. сборника Н. Шахам. – Иерусалим : Б-ка-Алия (54), 1978. – Режим доступа : <http://heblit.org/text.php?ge=prose&ac=msh&tc=mshm>
11. Шулык П.Л. Андрогинные образы в израильской женской литературе. Статья вторая. Андрогин по собственному желанию / Шулык П.Л. // Наук. пр. Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 33. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2013. – С. 371-376.
12. Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях [Электронный ресурс] / К. Эстес. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/estes/18.php
13. עוז עמוס. בין חברים / עמוס עוז. – הוצאת כתר, 2012, עמ' 160.

Summary. The introduced research opens the cycle of the articles in which the works of Israeli writers (especially women) are analyzed, and where the issues of preservation or loss of female savagery under conditions of certain collective are brought up. The object of the research are works that consider the position of a woman under conditions of the specifically Israeli collective – kibbutz where the equality with men deprives women of the right for femininity.

The creative endeavours of Israeli female writers are naturally received in the tideway of general tendencies of modern female literature, which is focused on contemporary woman's personal choice of life behaviour since the times of Simone de Beauvoir. But the yearning for female primordialness defined by national historical peculiarities is showing through the feminist nature of the western tradition.

In Israeli female writers' works the reasons for female primordialness loss are attributed to tradition and peculiar conventionalities of a certain society.

The article is focused on kibbutz literature, which is centred on specific community. In this community equality of all peoples, nationalities, and sexes is possible only in case of fanatic observance of regulations, depriving a human of the right of choice. Kibbutz bereaves a woman of femininity and

maternity rights. The researched works of writers of generation of The Palmach and generation of the State are about this. Creative work of Amos Oz and Naomi Fraenkel are in the spotlight.

In «masculine» works by Amos Oz women object the kibbutz-granted long-awaited equality, called in reality to level not only a person as personality but also a woman as woman.

In kibbutz female literature this yearning for female primordialness, increased by the personal experiences of authors, becomes total. In the dilogy by Naomi Fraenkel (novels «Your Uncle and Friend Solomon...», «Wild Flower») the driving forces of this yearning are community laws, love, and war. Her heroines are either simply devoted, ready to self-sacrifice members of kibbutz, giving up their nature in the name of communal idea, or simply women rebelling against an levelling cruelty of kibbutz regulations.

Key words: *female literature, Israeli literature, kibbutz, female primordialness, Biblical tradition.*

Отримано: 6.08.2014 р.

УДК 378.016:811.111

Яковлева О.В.

НАВЧАННЯ ІНШОМОВНОГО МОВЛЕННЯ З ВИКОРИСТАННЯМ ФРАЗОВИХ ДІЄСЛІВ НА ПРАКТИЧНИХ ЗАНЯТТЯХ З АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Автор розглядає проблему навчання студентів іншомовного мовлення з використанням фразових дієслів на практичних заняттях з англійської мови з позицій компетентнісного підходу. Пропонується комплекс мовних та мовленнєвих вправ.

Ключові слова: *ідіоматичне мовлення, фразове дієслово. компетентнісний підхід.*

Міцні основи оволодіння ідіоматичним мовленням повинні закладатися вже на I курсі навчання іноземних мов у ВНЗ.

Проте результати вивчення лінгвістами природи та функціонування фразових дієслів у дискурсі не в повній мірі застосовуються у практиці викладання англійської мови у мовному вузі [6; 2; 4; 7; 9; 10; 11].

Вивчення наукової літератури з методики навчання іноземних мов у вищому навчальному закладі (ВНЗ) виявило недостатню розробленість проблеми навчання фразових дієслів англійської мови як у цілому, так і на початковому етапі навчання у ВНЗ. Зокрема, серед досліджень останніх років виділяються дисертаційні роботи І.Л.Плужник (1985); Ф.М.Гарипова(1993); Н.О.Бохач (2006), де зазначається, що навчання фразових дієслів на практичних заняттях з англійської мови у ВНЗ і до цього часу має лише принагідний характер [8; 5; 3].

Актуальність поставленої проблеми спонукала автора звернути увагу на особливості навчання фразових дієслів: аналізу методів, прийомів, системи та комплексу вправ, які викладач може ефективно використовувати на занятті.

Розглядаючи цю проблему з погляду комплексного, компетентнісного підходу слід, насамперед, зазначити, що володіння фразовим дієсловом, як і будь-якою іншою ідіоматичною лексикою, засноване не лише на знанні його значень, а й на володінні звуковим і зоровим образом (формою), здатності поєднуватися граматично і семантично з іншими словами, використаними у потоці мовлення. Фразові дієслова у пам'яті є включеними у складну систему лексико-семантичних відношень: парадигматичних (лексико-граматичні парадигми, семантичні поля, мікросистеми: синонімія, антонімія тощо), синтагматичних (поєднання фразових дієслів у реченнях). Тому навчання фразових дієслів слід проводити у два етапи:

1. Ознайомлювання з новими фразовими дієсловами:

«Семантизація фразового дієслова. Способи обраної семантизації можуть бути перекладними або безперекладними; одномовними або двомовними, залежно від лінгвістичної природи фразового дієслова, завдань та цілей, що ставить на занятті викладач.

«Перевірка розуміння значення фразового дієслова: за допомогою перекладу або у контексті ситуації.

«Фонетичне опрацювання: слухання та приговорювання зразка мовлення.

«Демонстрація та запис графічної форми.

2. Автоматизація дій студентів з новими фразовими дієсловами:

А. На рівні фрази або речення

«Імітація зразка мовлення;